

Петр Проскурин

ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ

СУДЬБА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 82

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Проскурин П.

П 82 Любовь земная. Судьба : роман / Петр Проскурин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 832 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33496-0

Есть книги, в которых автору удалось, словно в зеркале, отразить жизнь своей страны во всем ее многообразии. К ним относится роман «Судьба», первая книга знаменитой эпической трилогии Петра Проскурина. Не случайно эта история о любви, долге, верности и силе духа практически сразу после публикации в 1972 году вдохновила кинематографистов на создание масштабной киноленты «Любовь земная», а затем и ее продолжения под названием «Судьба» — фильмов, которые, вслед за романами, заставляют сопереживать героям уже не первое поколение читателей.

Герои этой семейной саги, действие которой начинается в 1930-е годы и охватывает более полувека, обычные люди, которым выпала непростая доля жить в эпоху перемен и потрясений. Вынужденные пролагать свой путь в изменившемся мире, они совершают ошибки, страдают, не всегда различают друзей и врагов; но и любят они с самозабвением первых людей на земле — всей душой, без остатка. Именно земная, нерассуждающая любовь и стала тем стержнем, который сделал эту историю столь жизненной и столь любимой читателями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33496-0

© П. Л. Проскурин (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Ночь выдалась тяжелая и долгая, все шел дождь, и раскисшая дорога тонула во тьме; уж каким чудом находила дорогу эта измученная баба, было непостижимо; она не чувствовала ни мокрых лохмотьев, прилипших к телу, ни отяжелевшего от дождя холщового мешка за спиной; давно превратились в густую кашу куски хлеба, собранные перед вечером в большой деревне; она не знала ни названия этой деревни, ни того, как она туда пришла, но ей все время помнилось: высокая, худая старуха, в длинной серой юбке под самые груди, вынесла ей чуть не полковриги душистого ржаного хлеба и ломоть желтого, старого сала, у старухи были спокойные, выцветшие глаза; такие глаза встречаются у людей, много проживших и узнавших. Нищенка не приняла ее жалости к себе, взяла хлеб и сало, опустила их в мешок и пошла своей дорогой, неразборчиво пробормотав застывшими губами «спасибо» и не сказав ни слова больше, и старуха, отделяя ее от себя, обмахнулась привычным крестом; истовое, застывшее лицо старухи и теперь было перед ней, строгое, из нездешнего, потустороннего мира. И еще все время свежо пахло, несмотря на дождь, размокшим хлебом, этот запах окружал ее, и ноздри шевелились от его сытости, и голова мутилась; она не хотела есть сейчас, но этот хлебный запах жизни не могла переносить спокойно и жалела пропадавший от дождя хлеб. И хотя она не чувствовала застывшего, продрогшего тела, она все время чувствовала свой тяжелый, опустившийся к коленям живот. Он мешал ей идти, и в самые трудные минуты она поддерживала его руками и через руки слышала ту странную жизнь в себе, что с этого вечера уже становилась чужой, отдельной от

нее. На ногах у нее было подобие высоких, цыганских ботинок с давно отвалившимися подошвами, и она терпеливо морщилась, если ей под пальцы попадало что-нибудь твердое или острое; ноги задубели, она уже не чувствовала боли. Пожалуй, она бы давно упала и осталась лежать, если бы не появившееся в последние часы какое-то почти животное чувство страха; она не обращала внимания ни на дождь, ни на грязь и лишь все время прислушивалась к себе; просто нельзя было остановиться, боль усиливалась и даже в промежутки между схватками не исчезала совсем, а оставалась, притаившись, в теле; женщина двигалась наедине с болью, в мире, наполненном сырым мраком; у нее сейчас не было ни прошлого, ни настоящего, лишь она и боль; и когда боль становилась нестерпимой, женщина, прихватывая зубами затвердевшие, холодные губы, издавала глухие утробные звуки, похожие на вой. Боль шла от живота; когда под руками у нее начиналось постороннее живое шевеление и толчки, словно облегчение наступало в теле, в глазах прояснялось, легче было вытаскивать ноги из грязи, и ей всякий раз мерещились огоньки; сгребая с лица воду, она всматривалась во мрак и опять ничего не видела.

Ветер, не меняясь, дул ей в правый бок, и она шла косо, выставив вперед плечо и слегка отвернув лицо, и от этого шея затекла; в память пришла какая-то молитва или еще что-то, рассказанное в детстве полуслепым дедушкой Мокием о потопе и конце света, в котором перемешались птицы, звери и люди, и, словно с потемневшей иконы, из крошечной тьмы мелькнули пустынные, отрешенные от всего земного глаза, и ей показалось, что она оглохла. Уже ни ветра, ни дождя она не слышала, стояла в голове тяжелая немота, и только запах раскисшего в мешке хлеба становился все сильнее, и от его сытости опять поднималась тошнота; она выставила вперед руки, чтобы упасть на них и переждать, и, нащупав какие-то намокшие, скользкие ветви, цепко схватилась за них, тяжело, всем ртом дыша; чутье подсказало ей, что дальше идти она не сможет, ноги в минуту ослабели, и она впервые за последние часы почувствовала их, и от тоски, от страха перед ночью она беззвучно, как скотина, заплакала одними глазами, все еще борясь и удерживаясь на ногах. Если бы она села, она бы уж не могла встать, и она начала молиться Богу; в ее представлении он был чем-то огромным, как тьма во-

круг и как боль в ней самой, как эта беспросветная земля, бесконечные потоки дождя, которые захлестывали ее, и она молилась ему без слов и жалоб; он должен был услышать ее немой крик, она верила, у нее ничего не оставалось больше, она знала, что он должен помочь ей, и когда до нее донесся какой-то живой, прозвучавший, как благовест, голос, она подумала, что это он отозвался; голос повторился опять и опять, и к нему присоединились такие же, и она стояла и слушала, она не могла вспомнить, что это такое, хотя чувствовала что-то знакомое и теплое; что-то мешало ей вспомнить, она где-то раньше слышала такие же звуки, и не раз, и, когда они слышались снова, она ахнула. Да це журавли, журавушки, видно, сели ночевать в поле, да и перегукиваются, оце ж, милые, спасибо вам, птушечки, родные.

Нищенка пошла дальше, и ей казалось, что идти теперь легче и живот не так тянет книзу, и она больше не думала, что заблудилась и жилья может и не быть еще двадцать верст; что-то переменялось в мире, и он показался ей иным, ближе и понятней; она словно вечно вот так шла по жгучей земле в покойном и теплом сне; она поймала себя на том, что засыпает на ходу, идет и засыпает, и пробормотала что-то неразборчивое, лишь бы услышать свой голос; час прошел или больше после журавлей, она не знала; в ноздри ей ударил запах прелого навоза и мокрого дыма, и, словно ожидая именно этой минуты, боль полоснула по низу живота и кинула ее на дорогу, она глухо завывала, прикусила губу, поползла, с трудом переставляя трясущиеся руки, и платок сбился ей на глаза; каким-то бессознательным чутьем она угадывала дорогу, и под ее руками зашелестело наконец сухое сено; она стала выдергивать его из слежавшегося стожка, корчась от муки, от боли. По телу волной разливался жар. Не дай бог, собаки учуют, подумала она неясно, или хозяин услышит, и, чтобы не кричать, ткнулась лицом в пахучее сено, забирая его оскаленным ртом, и задавила крик, какая-то сила тотчас перебросила ее на спину, и тело ее словно разделилось, и сразу наступило облегчение. Она почувствовала в ногах горячее и живое движение, стала непослушными руками натаскивать на себя сено; больше она уже не могла и стала засыпать, хотя все время знала, что спать нельзя и надо что-то делать; несколько раз опять подымалась боль, и то, что было в ногах у нее, двигалось и принималось пицать; изловчившись, она освободила из-под

ног тяжелый и беспокойный комок и, сделав все, что могла, что подсказывали ей инстинкт и разум, как бы почувствовала на это короткое время прилив сил и, развернув рваную, намокшую свитку, расстегнув кофту, приложила его к набухшей груди, чтобы хоть немного согреть; она прижала это к себе, к своему телу, и оно затихло, и ее сразу отпустили и боль и страх; она лишь чувствовала усилившуюся слабость, перед глазами стоял туман; остатки сил уходили от нее, и она подумала, что это ей уже снится, и с благодарностью к теплomu сену, к журавлям, к тому огромному Богу, что услышал ее и послал ей живой крик и сухое тепло, она шевельнула высохшими губами и с трудом выпростала из расшитого ворота рубахи закаменевшую, тяжелую грудь, постаралась дать сосок ему, но это было уже не осознанное желание, а инстинкт — она затихла, уходя от всего, и ее набухшую, болезненную грудь теперь грело оно. И это, уже чужое, но все-таки свое тепло еще продолжало некоторое время держать ее, но даже и это ощущение слабело больше и больше, и, когда под утро хозяин избы, молодой, высокий мужик, вышел надергать корове и овцам сена и наткнулся на нее, она уже ничего не чувствовала, и лишь сладко пахло холодной кровью. Почти полузадушенного младенца мужского пола не сразу смогли вызволить из ее задубевших рук и вместе с ней внесли в избу, а когда положили на лавку и отвели с ее лица густые ссохшиеся волосы, увидели белое лицо в застывшей, успокоенной красоте; она глядела как живая, и от чадившей керосиновой лампы в мертвых глазах у нее дрожали тени, и жена хозяина Ефросинья, державшая у груди голозадного сосунка, ахнула и попятилась; а Захар, ее муж, растерянно почесал волосатую грудь, озадаченно выдохнул: «Ну, не было мороки» — и всей натруженной ладонью от лба к губам провел по твердому лицу мертвой, закрывая ей глаза.

По-прежнему шел дождь, и рассвет был гнилой и тяжелый; покойницу похоронили к вечеру; шестеро мужиков вырыли могилу на самом краю погоста, опустили нестроганный гроб в успевшую набежать мутную глинистую воду, торопливо завалили в шесть лопат яму и, злые, недовольные лишней, неизвестно откуда подвернувшейся работой, сложив лопаты на телегу, уехали погреться самогоном; Захар Дерюгин, один из них, пытался закурить, но газета расплзалась под мокрыми пальцами.

В предвкушении самогона и горячей еды мужики перед самым селом повеселели и, уже сидя в просторной теплой избе за столом, стали обсуждать происшествие и гадать, что за человека к ним занесло, и Захар, принимая стакан из рук хозяина, Акимы Поливанова, мужика в хорошем достатке, покосился в сторону крутогрудой хозяйской дочери, выставившейся в дверях горницы, затем отвел глаза на стакан; у самых краев дрожала огнисто-синеватая чертова влага.

— Приспело вам зря гадать, — сказал Поливанов хмуро. — С хохлатчины никак баба забрела. У них в этом году неразбериха какая-то, мор, слышно. Хлеб, какой был, государству пошел, вот они и бредут во все стороны. — Захар опять покосился в сторону девки, еще больше изогнувшейся прелестной частью под его взглядом, недовольно нахмурился, чувствуя в теле тягостную дурноту. Поливанов, ничего не упуская, добавил чуть торопливей: — Ну так что, подняли, мужики, давай за упокой, какой-никакой, а человек, дите принесла. Пусть лежит, земля, она одна, что у них, что у нас, — расейская, советская.

— Земля-то советская, да разговорчики у иных, у тебя вон сейчас, дерьмом начинены. — Захар жестко нацелился куда-то в переносье Поливанова. — Гляди, загремишь ненароком, только брызги пойдут.

Хозяин, сверкнув острым глазом из волосяных зарослей в сторону дочери, крикнул, выплеснул, как в таз, в темный зубатый рот самогон из стакана и сказал неожиданно ласково, довольно шлепая толстыми губами:

— Зря ты на меня, сосед, мы люди темные. Услыхал и брякнул — век открыто перед людьми жил. А ты, Маня, не стой зря, скажи матке яишницу изжарить поболе, пусть не жалеет. Сходи в подвал, яблочков моченых набери. Хороши у меня ноне яблочки-то, Захар Тарасович, ох хороши, сроду так не удавались. Не плод от земли, янтарь заморский, так и светятся.

Он глядел прямо в глаза Дерюгину с какой-то поощрительной усмешкой, словно не о яблоках говорил, а о дочери, и у Захара опять сладко занемели ноги, и он вытянул их под столом; хороша поднялась девка у Поливанова, вся за последний год налилась, тронь — так и брызнет соком, и глаза бесстыжие ждут. Видать, и сам Поливанов заметил, что всякий раз, задерживая взгляд на девке, он, Захар, неловко, с деланным безразличием от-

ворачивается, да и не надо было к Поливанову идти после похорон пить, расползутся по селу слухи.

— Кажись, и правда из хохлов забрела, сорочка вся петушками расшита, — говорил теперь Микита Бобок, подергивая взлохмаченной бородкой. — И я так слышал, Захар. Оттуда много теперь — мужики, дети бредут. Неладно, слышно, у них. Кожа к костям присохла, торкает, торкает по дороге, ляжет — и готов. А перед самым концом дурной водой наливается, разносит его. Кто говорит, недород на Украине хватил, а кто... Вон моя мать о конце света убивается, ночи не спит, Антихриста поджидает.

— Ты мне, Бобок, эти речи брось, по-волчьи на всякую приманку не кидайся, — неожиданно сказал Захар, невольно привлекая и громкостью голоса, и злостью слов общее внимание за столом. — Не наши речи, это вот он хочет, чтоб его самогон дерьмом заедали. На-кошь, Аким, съешь! — Он выставил в сторону Поливанова тяжелую дулю, и тот, не принимая серьезного тона, с мирной усмешкой отвел его руку, опять разлил из пузатого старого штофа самогон, и Захар Дерюгин опять почувствовал сбоку на себе все тот же откровенный и жадный взгляд; он не хотел больше пить, но под этим взглядом взял стакан, поглядел на горящую над столом семилинейную лампу, в которой сильно потрескивал от нечистого керосина фитиль, и, дождавшись, когда все выпили, выпил и сам; хозяин пододвинул к нему тарелку с желтоватым салом, как бы ненароком покосившись в сторону двери, сказал:

— Будя, иди спать, Маня, в другую половину, нас ты не переждешь. Окошки погляди, запри, теперь шпаны набрело, от всякого греха подале положишь — поближе найдешь.

Тяжело привстав, выпячивая тугой, сытый живот, Поливанов потянулся кверху, выкрутил фитиль в лампе поярче; от его крепких сапог, начинавших просыхать в тепле, тек приятный запах дегтя; для меня все выделяет, старый кобель, тут же подумал Захар; самогон на этот раз почти не пьянил его, лишь тело становилось жестче и собраннее, в глазах стояла крутобедрая девка с высокой ждущей грудью, и как-то сразу отошли все дела и заботы, и был он насторожен и гибок, словно молодой зверь, учуяв где-то рядом дразнящий запах. Вместо дочери пришла мать, высокая хмурая Лукерья, налила всем жирных, с мясом, щей в глубокие глиняные миски, разложила каждому расписные

деревянные ложки и, пристроившись у лежанки, стала споро и ловко чесать лен; на пряжу ладит, усмехнулся про себя Захар, оглядывая лохматые головы мужиков, их знакомые, затемневшие лица, ставшие от самогона и обильной еды другими; Микита Бобок, первый на селе песенник, которого приглашали на все свадьбы и гулянки, потому что умел он играть на гармонике и вдобавок и песни любил заводить красивым, басовитым голосом, блаженно шурился и молчал по случаю похорон; несмотря на молодость, он, под стать солидным мужикам, отпустил маленькую русую бородку и от этого был похож своим чистым лицом на заезжего студента или какого другого городского человека, но чувствовалось, что ему так и хочется что-нибудь выкинуть. Рядом с ним черпал ложкой яичницу Володька Григорьев, по прозвищу Володька Рыжий, мужик телом объемистый и молчаливый, на селе боялись его жены Варечки, черной как смоль бабы; старуха Салтычиха, известная богомолка и праведница, божилась, что с год назад видела ее на троицу на лугу в одной исподней рубаше, с голыми ногами да с распущенными до подколенья волосами, будто бы собирала она березовым веником перед солнцем росу в ведро, приманивала своей короле молоко. Напротив Захара сидел его крестный, Игнат Кузьмич Свиридов, мужик в хорошей силе (в прошлую осень перевалило за пятьдесят), единственный в селе водил он пасеку и бегло умел и читать, и писать, и знал Псалтырь и Библию; по его настоянию, с его помощью и Захар закончил три класса церковно-приходской школы и считался на селе грамотным; крестный, человек набожный, водки не пил и укоряюще-грустно глядел сейчас на Захара, опрокидывавшего в себя стакан за стаканом, хмурился; хозяин щедро выставил на стол еще одну четверть, заткнутую кукурузной кочерыжкой, обмотанной тряпицей; крестный встал и напомнил, что пора по домам расходиться, всего зелья не перепьешь.

— Погоди, крестный, — заупрямился Захар, — знаешь хорошо, на улице одна мгла, скука по своим углам тараканами сидеть.

— Дождик — божье дело, — отозвался Игнат Кузьмич, недовольно опустил на лавку, не желая оставлять Захара без своего глаза. — Он может и неделю, и две поливать, так на такой срок

ни водки, ни нутра не хватит. И что-то такое ты, Аким, раскошелся ноне, к добру ли?

— Да что ж, Игнат, человек каждый — гость на земле, покойницу вот зарыли, а она живую душу в мир принесла. Пойдет та душа теперь по миру мыкаться, ежели ее доля такая. Потому и пьем, путь ей подмасливаем.

— А куда ей мыкаться-то? — спросил Захар, чувствуя в словах у Поливанова потаенную, злившую его глубь. — Есть трое, ну, четверо будет, времена-то новые пошли, не пропадем.

За столом при его словах затих разговор, мужики дружно усталились на него; хозяйка у печи, отодвинув от себя гребень с куделью, приоткрыла рот, озадаченно протянула:

— Мужик завсегда прыток, не ему пеленки-то в прорубь таскать, по ночам болагучиться.

— Дело решенное с моей бабой Ефросиньей Павловной, — сказал Захар твердо, довольный всеобщим вниманием и даже молчаливым осуждением, хотя ни слова об этом он с женой не сказал и знал, что дома теперь беспокойно и тяжело, и, может, потому он не хотел так скоро уходить из-за этого широкого дубового стола, гладко и чисто выскобленного и уставленного обильной едой; Игнат Кузьмич в ответ на эти речи долго пялился куда-то в угол, затем натужно кашлянул.

— Послушай-ка, Захар, не егозись так-то, — сказал он. — Лишний рот — это тебе не лишний раз к бабе подвалиться, это тебе на всю жизнь тягость и суета. Тебе самому тридцать, сил тебе, понятная осьмина, не занимать, да тебе и жить еще захочется. Может, его в город, по начальству доставить, ребеночка-то?

Выслушав его с тайным уважением, как человека старше себя и умного, Захар невесело засмеялся.

— Ты бы уж, крестный, так и рубил, — сказал он, — может, его нужно было в могилу с маткой опустить, а?

Игнат Кузьмич перекрестился, и лицо у него пошло пятнами; говорить он ничего больше не стал, и разговор сам собою затих; в Захаре весь этот вечер копилась какая-то особая тоска — от дождя, от самогона, от своей молодости, уже накрепко связанной по рукам и ногам детьми, и оттого, что Поливанов егозит перед ним и Захар знает, почему он егозит, и крестный знает, оттого не уходит.

— Давай, мужики, по последней, — сказал Захар. — Пора, засиделись. Хозяйка вон носом клюет. Аким, погоди, а где это батька твой?

— А где же ему быть — на печи лежит, ты разве не видел, Захар Тарасыч, при тебе полез. Корму скотине давал и продрог. Эй, батя, — позвал он, поворачивая голову, — ты бы к нам сошел, погрелся, эт-то покрепче-то будет. — Его широкая темная ладонь с глухим шлепком опустилась на широкое горло четверти. — Слезай, батя, право, — продолжал Поливанов, — экий ты, не допросишься.

С печи, выставляя тощий зад, слез юркий, белый, широко-костный старик в холщовой длинной рубаше, в таких же портках, сунул босые ноги в отрезанные от изношенных валенок голловки.

— Брось, дедушка Макар, хмурость-то напускать, — сказал ему Захар весело, — давай садись, выпей, Расскажи нам что-нибудь про турков, а то, как тебя женил-то барин Авдеев... а...

Перекрестившись на божницу, дед Макар хмуро глянул в сторону невестки, приказал:

— Лукерья, лампаду зажги... человека похоронили... безбожие в мир-то вломилось... зарыли, вроде так и надо... Не собака же, крещеная душа...

Ни слова не говоря, хозяйка подставила к божнице табуретку, сняла стекло, зажгла от лампы лучину и перенесла огонек на медную лампадку; когда она встала на табуретку и потянулась с огнем вверх, Захар, увидев ее полные белые икры, тотчас безразлично перенес взгляд выше. Серая тьма переднего угла, шевельнувшись, чуть развеялась от слабого, тайного огонька, проступили строгие лики святых, проглянули откуда-то из непроницаемой черноты глаза, и позолота на окладах смутно замерцала; дед Макар, за ним и Игнат Кузьмич перекрестились.

— Эх, Захарка, — огорчился дед Макар, беря в жилистую, непомерно длинную и еще сильную руку стакан с самогоном, — сами вы ноне все турки. Православный крест с церкви стянули, нехристи, батюшку выслали, а чем он вам, опричникам, мешал?

— Ну-ну, дед! — сказал Захар примирительно, но в то же время со строгостью в голосе к такому случаю. — Поп — это классовый враг на селе, от него разные вражеские слухи и ползли.

Ты вон всю жизнь горбом своим детей растил, посмотри, руки землей взялись, а он, долгогривый? Вошь у него в гриве водилась и кубышка в доме пухла, — прибавил он больше от озорства.

— Ты не очень-то на стариков нукай, не запряг пока. А у батюшки дело такое, божеское, — обиженно сказал дед Макар, намеренно не замечая Захарова богохульства. — Он моей мужицкой темноте праздником был. А счас что? Душу негде отвести, пакость одна. — Подслеповато прищурившись на стакан, дед Макар вздохнул: — Выпить аль нет проклятую? У меня от нее теперя цветы какие-то с узорами в глазах являются. Дюже чудно, первый-то раз увидел прошлым годом, в Гараськину свадьбу. Так прямо живмя цветут.

— Выпей, батя, — поторопил Поливанов: старик любил поговорить, мог и на всякую ненужность наткнуться. — Поцветут да отвянут, поспишь подоле: завтра сам скоту сена намечу.

Все с интересом наблюдали за тем, как старик, задрав жиденькую, сваленную в лежании на печи бородку, уже приготовился пить и стакан поднес ко рту, но, вспомнив, по какому случаю, сначала привстал, помолился на иконы и только тогда, сказав: «Ну, за упокой души, заблудшей во мраке мирском», выпил до дна, огладил бороду и стал со стариковской обстоятельностью жевать сало.

— У тебя еще, дедушка Макар, зубов полон рот, — сказал Захар с невольным восхищением. — Крепок же дуб!

— А чего, мне и восьми десятков нету, — сказал дед Макар с еле приметным неудовольствием на Захара за этот разговор. — Мой батюшка сто двенадцать отсчитал один к одному, меня шестым десятком родил. Такая порода поливановская, без гнили. Мы с испокон веку у земли да в солдатах, это вот ты теперь начальство, говорят, а у начальства всегда иной срок Богом отмерен, сладко едят, много спят, вот оно и того... не гнездится.

— Сами же вы меня в начальство-то упекли, — хмуро пошутил Захар, стараясь не думать, что дома теперь Фрося возится с найденышем, и еще о том, что рядом, в другой половине избы, поставленной по достатку через сени, спит здоровая, горячая девка в самой поре, и оттого ей спится беспокойно и душно.

— Начальствуй, Захарка, начальствуй, вон на днях свояк проезжал из города, рассказывает, мол, мужиков-то покрепче на Соловки куда-то гонят, что ж, и у нас такое ждется-то али как?

По дрогнувшему лицу Поливанова Захар тотчас понял, что такой разговор заходит в этой избе не первый раз; и тут же понял, по какому случаю выставлено такое богатое угощение и почему именно к себе настоятельно звал с погоста Аким Поливанов; сознание своей силы и значительности невольно переменяло лицо Захара, сделало его еще более размашистым, но в неожиданной складке на лбу проступила веселая злость.

— Да уж и у нас такие найдутся, — сказал он равнодушно, и этим равнодушием как бы показывая, что разговор этот особый, от него не зависящий и затеяли его не к месту.

— Вроде особых богатеев на селе незаметно, — осторожно вставил Поливанов, бросив на осоловевшего отца злой взгляд.

— Это как сказать, — не удержался Захар. — Хотя бы вон Макашины да Черепановы. Вишь, как складно, Макашины да Черепановы, справно пожили. Соки-то из народа тянули по-паучьи, втихаря. — Понимающая усмешка мелькнула на лице Захара. — Моли своего Бога, Аким, в свой час ты остановился, а одно время ты после Гражданской-то за ними резво приударил. — Захар, поймав быстрый, как удар ружья, взгляд Поливанова, задавил усмешку. Он намеренно сказал о Макашиных — «пожили», словно все у них было кончено на этом свете, и Поливанов отяжелел, спрятал глаза, чтобы Захар и другие как-нибудь не догадались о ненависти в нем. Как был, так и остался кобылятником, думал Поливанов, не в силах отделаться от Захаровой кривой усмешки, засветившейся перед ним.

Он спокойно потянулся к четверти, налил себе, Захару, передал четверть в руки Володьки Рыжего.

— Пей, мужики, — теперь уж откровенно подзуживал Захар, — раз хозяин нонче размахнулся. В другой раз с него не сорвешь много.

— Бог с тобой, Захар, мы же соседи, — с неприятным смешком дохнул ему куда-то в ухо Поливанов. — Ну, Черепановы, может, и богатеи, не знаю, а уж мы-то... Двух сынов в последнее время год за годом отделил... Опять же, у Буденного они за советскую власть были, да и в артель первым заявлению отнес,

двух коней отвел, ну и всю сбрую на них, как значится, если надо, остатное берите. Молотилка у меня конная лежит, так ты знаешь, не моя она, а ваша... Мы тоже закон знаем...

— Ладно-ладно, Аким, — Захар опустил глаза, — я не велика шишка. Я-то знаю, хозяин ты хороший, да о тебе и разговору нету, а каждому рот не зажмешь.

— Вот хороших-то вы всех на Соловки и упекаете, — опять с деловой готовностью встрял дед Макар. — А с голытьбы-то жира богато не наскоблишь. Они, голодранцы, только жрать и умеют, а поработать...

— Замолчи, батя! — с сердцем прикрикнул на него Поливанов. — Если спать хочешь, полезай, полезай назад, поздно...

— Не хочу я спать, — возмутился дед Макар, шибко двигая косматыми бровями. — Акимка, что ты родного отца гонишь из-за стола, сукин сын? Туретчина-то какая, крест скинули, к старым почету, как к черту... Господи, прости меня, грешного, в полночь, в нечистый час язык осквернил.

Поливанов ничего больше не сказал отцу и, дождавшись, пока старик сам уgomонится и замолчит, словно ненароком встал:

— Недаром вчера до чего чудной сон видел. — (Его жена, продолжавшая мыкать кудель, сразу насторожилась и опустила руки.) — Выхожу во двор, а жеребец, тот, что свели на общий двор, навстречу вышагивает и скалится, подлый, точь-в-точь человек. Потом привстал на задние копыта да как жажнет в меня из обреза, аж пороховая вонь пошла. А сам глядит и все скалится.

— Жалко коня, оно и грезится, — сказал Захар и стал подниматься. — Ну, мне пора, спасибо хозяйке с хозяином.

— Сиди, Захар Тарасович, — почти в один голос сказали Поливановы, муж и жена. — Ночи-то ноне с коломенскую версту, ворочаешься, ворочаешься, а все конца нет. — Поливанов взглянул на тикающие, густо усидженные мухами за лето ходики. — Десятый час.

— Сам вижу, что десятый час, — сказал Захар, но оставаться не стал и, распрощавшись со всеми, вышел за крестным. За ними выбрались из-за стола отяжелевшие от сытной еды и самогона Микита Бобок с Володькой Рыжим; на крыльце они, про-

вожаемые хозяином, еще потолклись, покурили, приглядываясь к черной тьме вокруг, прислушиваясь к успевшему стать привычным шелесту дождя; в поливановском саду от сильного ветра стоял непрерывный стон, на улице не светилось больше ни одного огонька, и только с другого конца села донесся короткий перебор гармошки, и опять были только ветер и дождь. Нырнул с крыльца в темноту с веселым, бабьим вскриком Микита Бобок; за ним тяжело зашлепал по лужам большими лаптями Володька Рыжий; крестный, которому было по пути, пошел рядом с Захаром и на повороте, у большой, выгнившей с середины ракиты, придержал Захара за плечо.

— Знаешь, Захарка, Поливанов обхаживает тебя, смотри, крестничек, не зацепись за эту кошку-то¹. Крючья наострены до блеска, вмиг пронзит.

— Бойтся, вот и обхаживает, — неприятно хохотнул Захар и тотчас замолк, прижимаясь к раките мокрой спиной, но холода не чувствуя. — А ты, крестный, погляжу, вроде и подтолкнуть его готов, а?

— Слышал я, Захар, его тоже к высылке назначили, — сказал, помедлив, крестный. — Вот я и задумался, когда ты согласился к нему заскочить после похорон. Смотри не промахнись, мир тебе, молодому, доверие оказал, а споткнешься — трудно будет очиститься; грязь — она липучая.

— Мир, крестный, миром, власть — властью. Дед Макар хорошее слово сказал: земле-то жадный до нее хозяин нужен, да и какие Поливановы богачи? Лишняя лошадь у Акима завелась? Работает мужик за четверых, помнишь, крышу-то ставили на конном дворе? Я, к примеру, такого разговора не слышал, а люди наговорят. Ни по каким статьям Аким не подходит на выселение.

— Смотри-смотри, тебе виднее, — опять с деланным безразличием отозвался крестный. — Коли так, хорошо. Я к тебе завтра забегу, так вот и занесу медку. Что такое у старшего?

— Заходи, крестный. Бегаёт в мокроте, простуду и подхватил, по ночам кашлем спать не дает. Как распогодится, хочу в город свозить к доктору.

---

¹ Кошка — приспособление для вылавливания из колодца упущенного ведра (местное).

Крестный больше ничего не сказал и ушел, и Захар некоторое время стоял под гудевшей ракитой один; в свою душную и тесную избу, где теперь прибавился еще один рот, возвращаться не хотелось, и все сильнее оживала в нем какая-то звенящая тоска; от выпитой водки изнутри грело, плещущий мрак кругом, придавленное им, безмолвное, даже без собачьей брехни, затаившееся, утонувшее в потоках воды село вызвали желание громко, во всю мочь ругаться; что-то словно давило на плечи; распаскудная такая жизнь, подумал Захар в минутном отупении, в городе небось огни горят и бабы красивые бегают по улицам, где-то море есть, а тут всего-навсего речка Густь в непролазных болотах, да лес, да поле; на святки волки подходят, воют на все лады, мороз и на печи прохватывает от такой волчьей жути. Дома обносившиеся, сопатые ребятишки, сердитая от вечной работы мать и замученная, с красными от недосыпания глазами баба; бросить бы все и податься куда глаза глядят, чтобы и конца-краю не было; идти бы да глядеть людскую жизнь, в одном месте отдохнул, в другом заночевал, в Киев бы или в Москву вломиться...

Он решительно свернул в сторону от своей невидимой во мраке дождя избы, перелез через низенький плетень и, чавкая сапогами в раскисшей земле огорода, пробрался задами в сад Поливанова, ко второй половине его избы, выходящей окнами к раскидистым старым яблоням. В саду земля была густо устлана опавшими листьями, они мягко вдавливались под ногами; он подумал, что не сегодня, так завтра все равно этому быть, и, больше не стараясь удержаться и не думая ни о чем, нащупал окно в мокрой, с оплывающей глиной стене и, несколько раз стукнув костяшками пальцев в переплет рамы, отодвинулся по завалине за стену. Он чутьем услышал, как она подошла к окну и затаилась; неловко вытянув руку, он опять стукнул, и окно приоткрылось.

— Ты, Захар? — спросила Маня испуганным шепотом и в то же время почти обрадованно, и эта ее ответная радость предредила остальное; он молча перекинул ноги через подоконник, осторожно, без малейшего стука, прикрыл за собой окно и тут же нашел ее прижавшейся к стене, на ней была короткая льняная сорочка и руки до плеч голые.

— Весь мокрый, — прошептала Маня. — Сапоги небось в грязи.

— Замерз насмерть, Маня, — сказал он, дрожа не от холода, а от предчувствия того, что должно было произойти. — Сюда никто не заглянет?

— Я на ночь запираюсь, — прошептала она, отстраняясь от него, и он тут же снял, на ощупь положил на подоконник набрякший пиджак, стянул сапоги, жадно вдыхая в себя густой яблочный дух; он ничего не видел и, однако, сразу нашел ее и лег рядом на теплую перину, и едва успел дотронуться до ее разгоревшейся груди, как уже больше ничего не помнил; слабо попытавшись оттолкнуть его, она тут же затихла; он лишь почувствовал, как по ее телу прошла дурманящая боль; жадно дыша ему в лицо, она затем почти в забытьи шепнула: «Больно, Захар!» — и он поцеловал ее в губы; в его дыхании смешивались горечь самогона и махорки.

— Потерпи, — шепнул он коротко, совсем не думая о том, что говорит, и потом и ему и ей казалось, что в мире больше ничего не осталось, они падали в горячий, сумасшедший ветер, и только пронзительно пахло спелыми, лежалыми яблоками.

— Я тебя еще парнем любила, — призналась Маня потом, оглаживая его несмелой рукой, словно узнавая его тело.

— Чудеса ты рассказываешь, тебе тогда лет двенадцать всего и было, — отозвался Захар, прихватывая вспотевшей подмышкой ее прохладные пальцы.

— Может, двенадцать... На твоей свадьбе под окном простояла, глядела на вас с Фроськой, голосить ушла. Ох, как я тогда голосила...

— Не надо об этом думать, Маня, — сказал он и благодарно ткнулся жесткими горячими губами куда-то ей в шею. — У меня детей целая куча...

— Детям надо радоваться... У меня тоже может дите быть. Захар, а Захар...

— Что? — не сразу отозвался он, и она почувствовала, как он насторожился.

— Ты только приходи ко мне, больше ничего не надо, — попросила Маня горячим шепотом. — Когда хочешь, приходи, ждать буду.

Ничего не сказав, Захар сильно сдвинул ее, прижал к себе; ясно и близко, словно рядом, прокричал петух, раз, другой, третий, и снова все затихло, по-прежнему шел дождь, и деревья потихоньку сбрасывали намокшую, отяжелевшую листву; сырые осенние просторы раскинулись над тихими полями, над дремучими болотами, над грустной тишиной лесов; угасающим румянцем светились пятна клена или осины; поднялись выводки волков, уже начинал готовиться к линьке заяц-русак, и тяжело осыпались в опавшие листья полновесные от заключенной в себе силы столетий желуди.

2

Ссылных, пять семей, повезли в город по первому снегу, на санях, уже на рассвете, хотя особым уполномоченным вывозка была назначена на два часа ночи; путаница произошла из-за семьи Поливановых, все-таки оказавшейся каким-то образом в списке уполномоченного, хотя раньше об этом разговора не заходило и Поливанов с семьей по-прежнему состоял в колхозе.

Захар несколько раз подступал к уполномоченному по Густинскому кусту, говорил о беззаконии, но тот, определенно показывая, что ему понятны старания и тревоги Захара Дерюгина о семье Поливанова, лишь отмахивался, а под конец, взорвавшись, наговорил такого, что Захар, побледнев до пепельной серости в губах, замолчал и больше не вмешивался.

Старухи сидели, закутанные до бровей в тяжелые, с бахромой шали, с неподвижными, отрешенными лицами, детей матери держали в полах полушубков; когда всех их собрали к сельсовету, прибежавшая деревенская дурочка Феклуша, запыхавшись, стала одаривать детей арбузными семечками, она доставала их откуда-то из-за пазухи и, рассыпая, совала детям и женщинам в руки, мужиков обходила испуганно и все говорила: «Это вам слезок, родименькие, на дорожку, больших слезок. Дорога длинная-длинная, а в конце спасение ждет». Феклушу, как всякую дурочку или дурачка, особенно старухи, считали божьим человеком и при ее словах крестились и потихоньку плакали; милиционер из города, бывший тут же у подвода, прикрикнул на Феклушу, и она испуганно сорвалась с места и пошла прочь своей

стремительной походкой; откинув голову, она размахивала одной рукой и летела, словно подбитая, время от времени оглядываясь. Сын Михаила Гавриловича Макашина, Федька, с багровым синяком под правым глазом, неженатый еще, молодой красивый парень с нависшими на лоб густыми русыми волосами, сидевший в отдельных санях связанным, смачно сплюнул в сторону милиционера.

— Справился, сука! — сказал он громко и в бессильной злобе выматерился. — Тебе, б..., только с бабами и справляться!

Милиционер, расхаживавший вдоль подвод, ничего не ответил, лишь нервно поправил ремень с наганом; из сельсовета, пригнувшись в дверях, вышагнул Захар, лохматый, без фуражки, заросший недельной бородкой, не глядя в сторону подвод, все тянул голову куда-то вбок — со стороны казалось, что его интересовало пустое небо над обскрещенной церковью; подали команду, и сани тронулись. Через три дня семью Акима Поливанова вернули назад, и, конечно, как-то это событие сразу стало в центре внимания и обсуждения всего села, одни одобряли решение властей, считали его правильным, говорили о сыновьях-буденновцах Акима Поливанова и что есть тому специальный указ, другие вспомнили, чего прежде совсем не замечали и не вспоминали, и то, что Захар Дерюгин в соседях живет с Поливановыми, и то, что он поручил Поливанову возглавлять плотницкую артель, и то, что Поливанова дочка задаста и ни с кем из парней не водится. Вдруг вспомнили, как в ненастье Захару Дерюгину подкинули дите и что, мол, все это с похоронами вроде бы бездомной роженицы, все это для отвода глаз; уже рассказывали, что сам Володька, мужик Варечки, говорил, будто в гробу ничего и не было — так, землицы насыпано было малость для виду. И выкопали между Поливановыми и Дерюгиными какое-то дальнее родство; более рассудительные осторожно намекали, что у Поливанова рука в самом городе, не говоря уж о сельсовете или колхозе; одним словом, было все то, что бывает, когда случается нечто привлекающее к себе всеобщее внимание и когда тотчас начинает стихийно вырабатываться народное мнение, стремительно и густо, как снежный ком, обрастающее часто придуманными подробностями, управляемое и подчиняющееся одному-единственному, трудно объяснимому закону общей массы народа, который в конце концов точно и безошибоч-

ПЕТР ЛУКИЧ ПРОСКУРИН

ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ СУДЬБА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Татьяна Павлова

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Алина Павлова, Полина Малышева, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.06.2026.

Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.

Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»,	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-ARL-42866-01-R